

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы реформирования всегда актуальны для российской действительности. В некотором смысле реформы признаются неременной частью политики российской власти по принципу: «Плоха та власть, которая не проводит реформы», хотя на самом деле во многом происходит не реформирование, а имитация реформ. При этом как-то забывается, что крутые преобразования не есть нормальное состояние жизни общества, и люди на собственной шкуре испытывают тяжесть идей реформаторов.

Петровские реформы — один из ярчайших образцов русского типа реформ, которые в конечном счете привели не к улучшению жизни общества, а к усилению власти государства, увеличению числа чиновников, налогов, повинностей, к росту его имперских аппетитов. Благодаря петровским реформам Россия модернизировалась, европеизировалась, но ее основы — крепостное право и деспотическая власть — остались прежними. На примере петровских реформ в книге рассматривается извечная проблема русской жизни: нужны ли России реформы, а если да, то почему для этого нужно пролить реки крови?

Другой аспект этой проблемы — личность реформатора. Петр Великий был человеком выдающимся, искренне желавшим России блага, ему даже казалось, что он знает, как привести страну к благополучию. В своей грандиозной реформаторской деятельности он был фанатичным государственным романтиком, не щадил ни себя, ни Россию. Он взял за основу реформирования страны принцип: «В России прогресс достигается только насилием, принуждением!» и последовательно проводил его в жизнь. Как это осуществлялось и к чему привело и составляет суть данной книги.

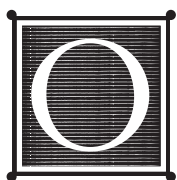

ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА

УРОКИ ЖИЗНИ, ИЛИ ПРОСТОЙ ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ

бращаясь к ранним летам жизни необыкновенного царя, невольно стремишься найти на берегах пресловутой реки времени свидетельства неординарности Петра и поэтому особенно внимательно рассматриваешь его учебные тетради, первые письма, записки.

Но ничто не говорит нам о грядущем гении. Мальчик, родившийся в день св. Исаакия Далматского, 30 мая 1672 года, ничем особенным не отличался от своих многочисленных братьев и сестер. Брак Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, заключенный 22 января 1671 года, был для 40-летнего царя вторым. От предыдущего брака с Марией Ильиничной Милославской родилось 13 детей, среди которых были Федор, Иван и Софья. В 1676 году Алексей Михайлович умер, передав престол старшему из сыновей — Федору Алексеевичу, юноше болезненному и хилому. Федор правил недолго — в конце апреля 1682 года он скончался. На совете высших сановников государства судьба трона решается не в пользу следующего по старшинству сына Алексея Михайловича — Ивана, а в пользу 10-летнего Петра. Это неожиданное решение было вызвано как активными интригами семейства Нарышкиных, вошедших вслед за молодой царицей во дворец, так и тем обстоятельством, что живой, здоровый мальчик много выигрывал в сравнении с Иваном, как бы несшим на себе черты вырождения. Возможно, что осознание этого факта, помимо

политической борьбы, повлияло на ответственное решение Боярской думы нарушить традицию передачи трона по прямой мужской нисходящей линии от старшего (Федора) к младшему (Ивану). Однако группировка Нарышкиных недооценила противника. Милославские во главе с властной, честолюбивой царевной Софьей сумели возбудить недовольство стрельцов и с их помощью 15 мая 1682 года совершить кровавый государственный переворот. На престоле утвердился триумvirат: к Петру присоединился Иван, а соправительницей на правах регентши при них была провозглашена Софья — для Петра ситуация в политическом смысле тупиковая.

Вдовствующая царица Наталья Кирилловна со всеми домочадцами выехала из Кремлевского дворца и поселилась в Преображенском — одной из пригородных резиденций, кольцом окружавших тогдашнюю Москву.

Все эти события, совершавшиеся независимо от воли и желаний Петра, стали фоном начальных лет жизни будущего реформатора России, и они же определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность. По великолепным книгам Ивана Забелина «Быт московских царей» и «Быт московских цариц» мы можем вполне реально представить себе жизнь двора, царской резиденции. Коротко говоря, Кремль XVII века — это мир церемоний и условностей, складывавшихся столетиями стереотипов поведения, это освященная традициями замкнутая система, в целом мало способствовавшая развитию индивидуальности. Ни одно публичное мероприятие с участием царя не обходилось без соблюдения довольно жестких церемониальных условий. Выезды самодержца за пределы Кремля — а это, как правило, были богоугодные поездки по окрестным монастырям или церквям — воспринимались как события государственного значения. Даже выход царя на лед Москвы-реки 6 января к «иордани» — ритуальной проруби — в традиционный праздник Водосвятия обставлялся как важное событие и назывался «походом», причем в Кремле — по терминологии тех времен «в Верху» — оставалась назначенная царем специальная комиссия бояр и других думных чинов для того, чтобы на время отсутствия царя государству «не убыло и потерьки не было».

Силою политических обстоятельств Петр был как бы выброшен из этой системы. Разумеется, он появлялся в Кремле в дни

официальных праздников и аудиенций, но все это было чуждо ему и даже, учитывая отношение к нему родственников по отцу, враждебно. Преображенское с бытом летней царской дачи — резиденции, окруженной полями, лесами, — дало ему то, что резко способствовало развитию его способностей: свободу времяпрепровождения с минимумом обязательных занятий и максимумом игр, которые, как и всегда бывает у мальчишек, носили военный характер. С годами они усложнялись, а так как участниками этих игр были не куклы, а живые люди, мальчишки, ровесники Петра, то обучающее и развивающее значение этих игр было огромно. Уже здесь проявились присущие Петру природные данные: живость восприятия, неугомонность и неиссякаемая энергия, страстность и самозабвенная увлеченность игрой, незаметно переходящей в дело. Благодаря этому «потешные» солдаты и старый английский бот, найденный в сарае, не остались только игрушками, а стали началом будущего грандиозного дела, преобразовавшего Россию.

Московская площадь в конце XVII столетия

Важно еще одно обстоятельство. Совсем рядом от Преображенского располагалась так называемая Немецкая слобода — Кокуй, поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных европейских стран. По традиции того времени это поселение купцов, дипломатов, ландскнехтов было отделено от города оградой. Кокуй был своеобразной моделью Европы, где рядом — так же тесно, как в Европе, — жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы. Этот странный, непохожий на Москву мир Кокуя занимал любознательное внимание Петра первоначально, вероятно, как редкость, курьез, привлекал своей непохожестью с миром Кремля, Преображенского. Знакомство с иноземцами — интересными, образованными людьми — Францем Лефортом, Патриком Гордоном, непривычные вещи, обычаи, многоязычие, а потом и первые интимные впечатления в доме виноторговца Монса, где жила его дочь, красавица Анна, — все это облегчило Петру (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии «допуска к руке» иностранного посла) преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира — православной Руси и «богопротивной» Европы, барьера, который и ныне преодолевать так нелегко.

Приход Петра к власти летом 1689 года стал разрешением давно зревшего политического кризиса, вызванного неестественным состоянием фактического двоевластия. Но, как и в мае 1682 года, в августе 1689-го Петр был в значительной степени влеком ходом событий, не направляя их. Благоприятные обстоятельства способствовали свержению Софьи и практически бескровному переходу власти самодержца к нему...

Тогда эта власть еще не была нужна ему как рычаг для реформ, идеи их еще не созрели в сознании Петра. Именно поэтому еще десять лет длился для России ее «настоящий» XVII век, почти в точности совпавший с окончанием века календарного. Но и это десятилетие не пропало даром для Петра — гений его зрел, чтобы в конце десятилетия, на грани двух веков, выплеснуть на страну целый поток идей, ее преобразивших.

Нужно выделить три важных события тех лет, повлиявших на становление Петра-реформатора. Во-первых, это две его поездки в Архангельск в 1693 и 1694 годах. Обыкновенное «потешное» путешествие в город на Белом море, несомненно, стало крупным

событием в жизни молодого царя. Он впервые увидел настоящее море, настоящие корабли, совершил первое плавание в беспокойной и опасной стихии, так непохожей на гладь прудов Подмосковья и Плещеева озера. Это дало мощный толчок фантазии, появилась мечта о море для России, возник подлинный культ корабля, морской стихии. С той архангельской поры, как писал историк М. М. Богословский, «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю».

Действительно, как так получилось, что море и корабли заняли особое место в жизни этого человека, все предки которого родились и умерли, видя перед собой лишь всхолмленные просторы Великолукской равнины?

Как курица, воспитавшая уплывающего от нее утенка, беспокоилась на берегу мать Петра Наталья Кирилловна, посылая в Архангельск одно за другим тревожные письма: «Сотвори, свет мой, нада мною милость, приезжай к нам, батюшка наш, не замешкав. Ей-ей, свет мой, велика мне печаль, что тебя, света своего, радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ка мне, что хочешь всех кораблей даждатца и ты, свет мой, видел каторыя прежде пришли: чеве тебе, радость моя, тех... даждатца? Не презри, батюшка мой свет, моего прашения, о чем прасила выше сего. Писал ты, радость моя, ка мне, что был на море и ты, свет мой, обещался мне, что было не хадить...»

Но изменить уже ничего было невозможно, корабли, море стали судьбой Петра, были с ним наяву и даже во сне. Сохранившиеся записи снов, которые делал царь уже в зрелые годы, отражают эту всепоглощающую страсть: «1714 г., ноября с 9-го на 10-е: сон видел: [корабль] в зеленых флагах, в Петербурге... Сон видел, тогда как в Померанию вошли: что был я на галиоте, на котором мачты с парусы были не по препорции, на котором галиоте поехали и обрат его оборотили на бок и воды захлебнулось, с которого попадали и поплыли к другому борту, и оборотно к дому, и после поехали, и у себя приказал воду выливать».

Опытный глаз старого моряка и корабела не мог не заметить даже во сне неправильное парусное вооружение корабля, на который поместил его Морфей. После этого понятно становится то уважение, которое испытывал Петр к живописи художника-мари-

ниста голландца Адама Стило, не позволявшего себе художественных вольностей при изображении рангоута и такелажа.

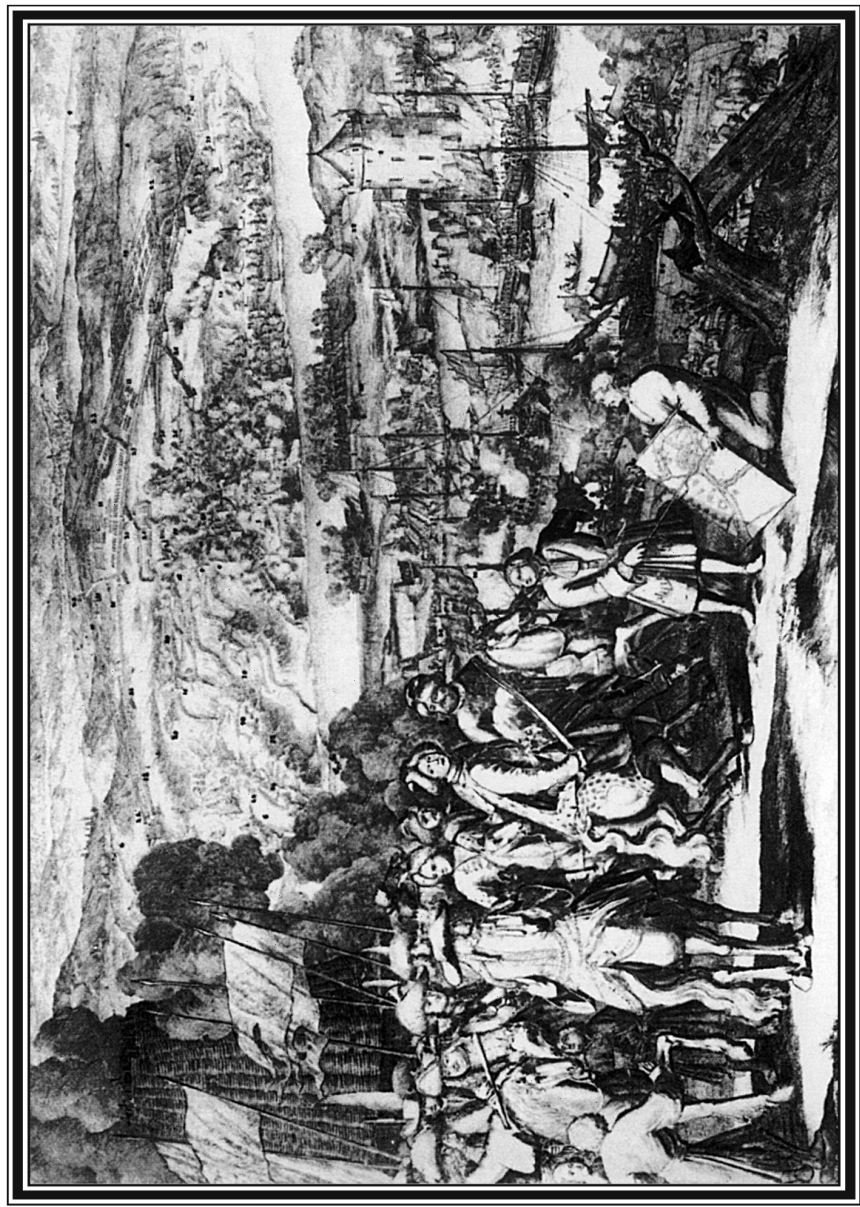
Токарь Петра Андрей Нартов в своих воспоминаниях рассказывает о восторге царя при виде маневров английского флота в 1698 году: «Из многочисленных кораблей составленный флот в присутствии его чинил разные эволюции и довел сим государя до такого восхищения, что будто бы он от радости, не постыдясь, после сего командовавшему адмиралу при прочих флотских офицерах сказал, что он на сей случай возвание английского адмирала предпочитает званию царя Российского. Толико (то есть столько. — *Е. А.*) влюблен был царь Петр в морскую службу! Но я знаю достоверное, понеже я слышал из уст монарших, что он сказал так: “Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским”. О том же пишет английский капитан Д. Перри, близко узнавший Петра уже в России: «Мне не раз доводилось слышать от него самого о намерении его совершить поездку в Англию, как только в собственной стране его восстановится спокойствие, и в те минуты, когда он находился в веселом расположении духа, он часто объявлял своим боярам, что жизнь английского адмирала несравненно счастливее жизни русского царя».

Это восторженное отношение к морю и кораблям он сохранял до конца своих дней. Ни один спуск корабля или крупные морские походы не обходились без его участия. Он скучал, оторванный от любимого морского дела. Весной 1711 года Петр отправился в Прутский поход, из которого писал Меншикову, сообщившему ему о начале навигации на Балтике: «Благодарствую о извещении тамо благополучному начанию весны и выводу флота, однакож при том и не без грусти, ибо от обеих флотов лишен». В другом письме по поводу раннего начала навигации он шутит: «Что же Нева только три месяца стояла, то я думаю, что Нептунус зело на меня гневен, что в мою бытность ни однажды такую короткою зимою не порадовал, и хотя я всем сердцем ко оному всегда пребываю, но он ко мне зело несклонен...»

Думаю, что увлечение морем — не случайность, не каприз, что было какое-то неуловимое соответствие, созвучие внутреннего мира Петра образу, идее движущегося корабля — символа разумной организации мира — той, к которой своими путями стремился Петр, а также борьбы с сопротивляющейся, слепой и могучей стихией волн. Чуть ниже я остановлюсь на этом подробнее.

Вторым важным событием тех лет стали Азовские походы 1695–1696 годов: война с Турцией за выход к Азовскому морю. Здесь, на южных рубежах, произошла в эти годы генеральная репетиция тех событий, которые в других, более грандиозных и драматических масштабах развернулись в начале XVIII века уже на западных рубежах. Первоначальные неудачи со взятием Азова, строительство флота в Воронеже, наконец, военная победа над серьезным соперником, возведение на берегу Азовского моря нового города, отличного от традиционных русских городов, — Таганрога — все это мы потом встречаем на берегах Невы и Балтики. Для Петра Азовские походы были первой военной школой, которая, хотя он и оценивал ее впоследствии скептически, все же принесла ему несомненную пользу. Опыт управления большой армией, осадой и штурмом сильной крепости не прошли даром для военного гения Петра. Не менее важно и то, что здесь, под стенами Азова, в сознание Петра вошло представление о своем месте, «должности», роли в жизни России. Именно с Азовских походов, а не с момента воцарения, как справедливо заметил советский историк Н. И. Павленко, Петр вел впоследствии отсчет своей «службы» на троне. Именно идея служения России, как он это понимал, стала главным стержнем его жизни, наполняла для него высшим смыслом все его действия и поступки, даже самые неблагоприятные и сомнительные с точки зрения тогдашней морали.

Наконец, третьим событием, повлиявшим на становление личности будущего преобразователя России, стала его длительная поездка за границу в составе Великого посольства в 1696–1697 годах. Петр ехал не как член делегации, а как сопровождающее лицо, среди других дворян и слуг. Это дало ему значительную свободу, позволило детально познакомиться со многими сторонами жизни Голландии, Англии и других стран. И дело было, конечно, не только в обучении мастерству кораблестроителя на голландских и английских верфях. Петр впервые увидел западноевропейскую цивилизацию во всем ее военном и культурном могуществе, почувствовал ее дух, смысл и силу. Он вывез из Европы не только знания, впечатления, трудовые мозоли, но и идею, которую для себя формулировал предельно просто: чтобы сделать Россию столь же сильной, как и великие державы Европы, необходимо как можно быстрее перенять у Запада все необходимое. Именно тогда окончательно оформилась ориентация Петра на западноевропей-

Осада Азова в 1696 г. А. Шхонебек. 1699–1700 гг.

скую модель жизни, и это означало автоматически отрицание жизни старой России, последовательное и порой ожесточенное неприятие, разрушение старого, ненавистного, того, что ассоциировалось с врагами: Софьей, стрельцами, боярством.

Ко времени Великого посольства относится одно любопытное свидетельство — письмо ганноверской принцессы Софии, в котором она очень непринужденно передает свои впечатления от встречи с молодым русским царем 11 августа 1697 года в городе Коппенбрюке. Письмо это — живой документ своего времени — особенно ценно тем, что автор его свободен от предвзятости и литературных влияний, которые неизбежно испытывал современник, встречавшийся с Петром позже, когда слава о его гении и победах широко распространилась по Европе.

«Царь — высокий мужчина с прекрасным лицом, хорошо сложен, с большой быстротой ума, в ответах скор и определителен, жаль только, что ему недостает при таких природных выгодах полной светской утонченности. Мы скоро сели за стол. Наш камергер Коппенштейн сделался маршалком и поднес Его величеству салфетку. Царь не понял, что это значит, потому что в Бранденбурге употребляют еще умывальницы и полотенца. Его величество сел между мною и моей дочерью, а около нас посадил по переводчику. Мы были очень веселы, вели себя вольно, говорили свободно и вскоре чрезвычайно подружились. Дочь моя и царь поменялись даже табакерками: на его был изображен вензель царя, и дочь моя бережет ее как клейнод. Мы, правда, очень долго сидели за столом, но проводили время чрезвычайно приятно, потому, что царь был очень весел и беспрерывно говорил. Дочь моя заставила петь своих итальянцев. Царю это понравилось, но он заметил, что этот род музыки ему не совсем по душе. Я спросила, любит ли царь охоту? Он отвечал, что отец его был страстный охотник, но он с детства получил непреодолимую страсть к мореплаванию и к фейерверкам и что он сам любит строить суда. Он показал нам руки и дал ощупать, как они загубели от работ. После обеда царь велел позвать своих скрипачей и мы стали танцевать. Он выучил нас танцевать по-московски, что гораздо милее и красивее, чем польский танец. Мы танцевали до четырех часов утра... [Петр] совершенно необыкновенный человек. Его нельзя описать и вообразить, а надо видеть. У него славное сердце и истинно благородные чувства. Он при нас совсем не пил, зато люди его — ужасно, как мы уехали».